

УДК 821.113.6

Ирина Спиридонова

Петрозаводский государственный университет

Ирина Романовская

Петрозаводский государственный университет

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОД В ШВЕДСКОЙ РЕДАКЦИИ РОМАНА
«ЧЕВЕНГУР» А. ПЛАТОНОВА «ДОН КИХОТ В РЕВОЛЮЦИИ»
(ПЕРЕВОД С. ВАЛЬМАРКА)**

Для цитирования: Спиридонова И. А., Романовская И. В. Литературный код в шведской редакции романа «Чевенгур» А. Платонова «Дон Кихот в революции» (перевод С. Вальмарка) // Скандинавская филология. 2019. Т. 17. Вып. 1. С. 114–133. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2019.107>

В статье на материале шведского перевода романа «Чевенгур» А. Платонова «Дон Кихот в революции» (1973, переводчик Свен Вальмарк) рассмотрена проблема рецепции поэтики и проблематики произведения. Выявлены и охарактеризованы принципиальные отличия сокращенной шведской редакции «Чевенгура». Концептуальное решение шведского переводчика С. Вальмарка — представить роман А. Платонова через всемирно известный роман М. де Сервантеса «Дон Кихот». Сравнительно-типологический анализ романа о русской революции с испанским эпосом показывает существенные признаки сходства в жанровой полифонии романа-путешествия и гротескной образности. Важную роль в «Чевенгуре» играет конstellация донкихотовского и гамлетовского кодов. Образная параллель Дон Кихот — Гамлет отражает внутреннюю полемику между служением революционному идеалу и сомнением, оформляет жанровый синтез утопии и антиутопии. В шведском переводе «Дон Кихот в революции» при формальном нарушении баланса литературных кодов структурный принцип конstellации сохранен: «гамлетизм» представлен сущностной чертой «дон-кихотов в революции». Купюры в сюжете и образной системе осуществлены методом конденсации с установкой на сохранение центральных идейно-образных комплексов.

Ключевые слова: шведская рецепция, литературный код, образная параллель Дон Кихот — Гамлет, *Чевенгур*, А. Платонов, Дон Кихот в революции, С. Вальмарк, Дон Кихот, М. де Сервантес.

В 1972 году во Франции был опубликован запрещенный в СССР роман А. П. Платонова «Чевенгур». Это издание сыграло важную роль в возвращении творчества русского писателя-философа в отечественную и мировую литературу. В том же году роман был издан на французском и итальянском языках, в 1973 году — на шведском. Шведскую редакцию «Чевенгура» — «Don Quijote i revolutionen» («Дон Кихот в революции») — выполнил литературовед, критик и переводчик Свен Вальмарк.

История рецепции художественного наследия Платонова в Швеции — своеобразный сейсмограф катаклизмов судьбы советского писателя. В конце 1920-х годов произведения Платонова («Сокровенный человек», «Епифанские шлюзы», «Происхождение мастера» и др.) стали ярким явлением новой русской литературы. В 1929 году рассказ Платонова «Происхождение мастера» переведен на шведский язык (переводчик Й. Ривкин) и издан в антологии «14 советских русских писателей» («14 sovjetryska berättare», 1929). В Швеции книга сразу попала в фокус литературно-общественного внимания. Однако для Платонова, как и для большинства других авторов антологии, первый перевод и признание за рубежом остались неизвестными. В том же 1929-м году, объявленном в СССР «годом великого перелома», на Платонова навешен ярлык «врага народа» [Schwartz, 1938], его главные произведения, начиная с «Чевенгура», запрещены. Подвергнутый опале на советской родине, Платонов уходит из памяти зарубежной литературы.

Имя Платонова было восстановлено в шведской литературе в 1968 году переводчиком и литературоведом Ларсом Эриком Блумквистом в монографии «Русская литература после Сталина» («Rysk litteratur efter Stalin»). Одна из центральных проблем исследования — вопрос о возвращении вычеркнутых из истории советской литературы авторов. Блумквист опубликовал письмо А. И. Солженицына IV Всесоюзному съезду советских писателей, в котором среди «оклеветанных, оскорбленных, неугодных партийной номенклатуре» писателей трижды звучит имя Платонова и вслед требование — прекратить «уничтожение» национального художественного наследия [Солженицын, 1996].

Свен Эрик Вальмарк (1912–1988), легендарный шведский переводчик с английского, немецкого, французского, русского языков, узнал об Андрее Платонове из книги Блумквиста. За особый

интерес к русскому и советскому его называли «шведским ухом на восток» (критик Я. Форсгрэн). Многие писатели, считавшиеся в СССР «неблагонадежными», были сокровенно услышаны Вальмарком (Б. Пильняк, Е. Замятин, П. Романов, М. Булгаков, С. Есенин, М. Цветаева, А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Солженицын, В. Аксенов и др.) и представлены шведскому читателю.

Парижская публикация романа Платонова «Чевенгур» в 1972 году не прошла мимо знатока европейской литературы — в течение года Вальмарк перевел и добился издания романа в Швеции. Судьба «Чевенгура», писал переводчик, обращаясь к шведскому читателю, исторически предвещает судьбы «Доктора Живаго» Б. Пастернака и произведений А. Солженицына, которые также были запрещены в СССР. Даже М. Горький, подчеркивает Вальмарк, признав «неоспоримые достоинства» «Чевенгура», счел роман Платонова «неприемлемым для цензуры» [Vallmark, 1973, s. 315] (первая публикация «Чевенгура» в СССР состоялась только в 1988 году).

Приступая к переводу «Чевенгура», Вальмарк понимал сложность задачи: «особость» (по терминологии Д. С. Лихачева) художественного языка Платонова, балансирующего на разрыве и погружении в культурную память и живую стихию русского языка. Первой проблемой стало «темное» заглавие романа. Авторский топоним «Чевенгур» не имеет денотата, что актуализирует семантические связи названия и текста, порождая объемное поле ассоциативных значений, всегда открытое для новых смыслов. Платоновская «поэтика загадки» [Вьюгин, 2004] продуцирует ассоциативные семантические структуры по законам философии русского языка, многие из которых остаются «невидимыми» в иноязычной картине мира. Это заставило первых переводчиков искать другое название, которое бы представило произведение иностранному читателю. К примеру, французский и итальянский переводы «Чевенгура» названы «Сорные травы Чевенгура» («Les herbes folles de Tchevengour») и «Деревня новой жизни» («Il Villaggio della nuova vita») соответственно. Французская переводчица С. Лоэб (Cécile Loeb) вводит в название вегетоморфный образ сорных трав, который в проекции на исторические события является символическим знаком низового стихийного начала революции. В итальянском переводе М. Олсуфьевой центральный локус переориентиро-

ван с города на деревню новой жизни. Это название также звучит вполне по-платоновски: в романе развернута картина умирающей, дискретной в пространстве и времени цивилизации, где не только старые провинциальные города, но и коммунистический Чевенгур даны по аналогии с деревней.

Шведское название «Дон Кихот в революции» («Don Quijote i revolutionen») поставило произведение Платонова в диалогические отношения с классикой мировой литературы «Хитроумным идальго Дон Кихотом Ламанчским» (1605–1615) М. де Сервантеса, укорененным в шведской традиции классическим переводом Э. Линдфорса.

«Дон Кихот» Сервантеса стал доступен шведскому читателю в 1888 году, когда впервые лингвистом и писателем Э. Линдфорсом были переведены и опубликованы избранные главы романа. Полная версия вышла на шведском языке в 1891–1892 годах. В 1893 году Линдфорсу была присуждена премия Шведской королевской академии наук за перевод романа Сервантеса, который стал классикой шведской переводной литературы. Более 100 лет этот перевод полномочно представлял Сервантеса в Швеции (только в 2001 году вышел новый перевод «Дон Кихота» Й. Нурденхёка).

Постоянное присутствие Дон Кихота в произведениях мировой литературы стало предметом специального исследования шведского литературоведа Й. Лундстедта. В книге «Дон Кихот и тень» [Lundstedt, 1986] он сравнил героя Сервантеса с привидением, «бродящим» по европейской литературе. Донкихотовские мотивы звучат в разных национальных литературах и направлениях — романтизме, реализме, символизме, авангарде, постмодернизме; в шведской литературе — в произведениях Стриндберга, Хейденстама, Альмквиста, Экелунда, Лагеркранца и др. [Lundstedt, 1986].

Концептуальное решение С. Вальмарка — представить «Чевенгур» Платонова через всемирно известный роман Сервантеса. В поиске названия переводчик нашел опору в собирательном образе «рыцарей революции» в «Чевенгуре», оформленном как аллюзия на роман Сервантеса. Сегодня об этом написано немало (см.: [Багно, 2009; Пискунова, 2009; Руднев, 2007] и др.), но Вальмарк одним из первых показал значимость данной литературной параллели в романе о русской революции и попытке строительства «самодельного» коммунизма. Переводчику важно было акту-

ализировать вечный конфликт идеала и действительности, чему служит выведенный из подтекста в заглавие романа литературный код.

Донкихотовская тема разыграна в оформлении первого шведского издания романа Платонова. На обложке помещена знаменитая графическая иллюстрация П. Пикассо из серии «Дон Кихот» (1955), которая была создана в честь 350-летия со дня публикации романа Сервантеса. Историко-культурная перекодировка дана анахроничной деталью: на обложке романа Платонова Дон Кихот держит в руках красный флаг — символ революции.

Сравнительно-типологический анализ романа Платонова с испанским эпосом показывает существенные признаки сходства в жанровой модели и художественной образности. Как и Сервантес, Платонов в «Чевенгуре» синтезировал черты исторического, авантюрного, философского жанров. «Чевенгур» — это роман-путешествие¹ в стихию русской революционной жизни. Е. Яблоков приходит к выводу, что платоновский странник — персонаж, «ощущающий бытие как постоянное ”вопрошание”» [Яблоков, 1994, с. 201]. В шведской «Истории литературы» «Дон Кихот в революции» охарактеризован как роман, сконструированный по модели путешествия; платоновские герои названы *resenärer* — «путешественники» [Litteraturens historia, 1992, s. 79–80]. Эти сходжения в интерпретации жанра — категории, максимально полно объемлющей художественное целое произведения в диалектике взаимосвязи поэтики и содержания, — особенно важны, если учесть различия между корпусом и структурой оригинального текста «Чевенгура» и шведской редакции «Дон Кихот в революции».

Издание «Чевенгура» 1972 года, с которым работали первые переводчики, точнее будет определить «парижской редакцией». В ней изъята дореволюционная часть сюжета, где центральными являются жизнь мастера-философа Захара Павловича, тщетно пытающегося отыскать «главную» жизнь, и сиротские странствия мальчика Саши в поисках отца и дома. Это перестроило всю романную структуру².

¹ Подзаголовок в ранней редакции Платонова «Путешествие с пустым/открытым сердцем».

² В комплексе проблем первого издания «Чевенгура» основной мотивацией сокращения содержания стало то обстоятельство, что «дореволюционный про-

Вальмарк, делая шведскую редакцию, существенно сокращает панораму пореволюционной жизни. Странствия Дванова и Копенкина в поисках «самодельного» социализма даны переводчиком в особой системе конденсации — текстовых и сюжетных стяжек. За пределами шведской редакции оказались: деятельность артели «Дружба бедняка», ревзаповедник Пашинцева, столкновения Дванова и Копенкина с бандой Плотникова и крестьянами Черной Калитвы и т. д. Нет таких персонажей, как Бог, Поганкин, кузнец Сотых и др. Вальмарк убирает «вариативность» — оставляет события и персонажей, которые ярко характеризуют конфликты революционного времени: стычка с анархистами, знакомство с «включившимся» в революционные преобразования Федором Достоевским (в прошлом Игнатием Мошонковым) и «устранившимся» лесным надзирателем. После этих встреч Дванов и Копенкин возвращаются в областной центр, где начинается их путешествие в город коммунизма Чевенгур. Заключительная часть романа переведена Вальмарком без купюр. «Ускоренное» движение героев в коммунистическую утопию способствовало тому, что шведский перевод прочитывается больше как авантюрный, в духе традиции Сервантеса роман. Одновременно это способствовало более интенсивно проявлению утопической/антиутопической жанровой парадигмы.

Образ Дон Кихота в мировой литературе традиционно сопоставлен с образом Гамлета из шекспировской трагедии и противопоставлен этому образу. И. Тургенев писал: «...в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится» [Тургенев, 1980, с. 331]. Дон Кихота и Гамлета «роднит чувство неудовлетворенности сущим, неприятие мира таким, какой он есть» [Арсентьева, 1994, с. 11]. Эти образы мировой литературы воплощают вечную драму необходимости и недостижимости духовных абсолютов — идеала и истины. Высокое безумие сближа-

лог» был дважды опубликован Платоновым как самостоятельное произведение: рассказ «Происхождение мастера» (сокращенная авторизованная версия — 1928) и повесть с одноименным названием (1929). Однако не надо сбрасывать со счетов и фактор идеологический: роман был опубликован за пределами советской цитадели — и в борьбе с ней. Трагедия дореволюционной жизни в «Чевенгуре» буквально заслоняла трагедию революционной истории России.

ет их между собой, обозначая конфликт идеального/истинного и действительного. Писатель и журналист Л. Рестрепо считает, что безумие возникает вследствие подмены реальностей: оба героя, по-настоящему являясь или притворяясь безумцами, воспроизводят действительность как литературное сочинение или театральную постановку (жизнь — игра) [Restrepo]. Отличает героев понимание себя в мире. Дон Кихот стремится воплотить в мир идеал рыцарства — свой идеал. Гамлет ищет идеальную точку опоры за пределами своего я — ему нужна истина. Один вооружен верой, другой — в мышеловке сомнений.

Творчество Шекспира востребовано русской культурой как национально значимое, породив «русский шекспиризм» [Захаров, 2008], в котором одну из главных ролей играет «русский Гамлет». Революционный вектор национальной истории актуализировал образ Дон Кихота. О перспективности образа «Дон Кихота революции» писал еще А. И. Герцен [Герцен, 1955, с. 206]. Важнейшие в системе персонажей «Чевенгура» образы Копенкина и Дванова рассмотрены в литературоведении с позиции внутренней доминанты — донкихотовской и гамлетовской. Дон Кихот и Гамлет имеют аристократическое происхождение, герои Платонова погружены и представляют народную жизнь, но прототипичны мировым образам напряженными духовными поисками. Копенкин предстает образцом идейного воина: он беззаветно предан идее мировой революции и всегда готов вступить в битву с врагами бедняков. Дванов — рефлектирующий тип героя, «глубоко понимающий жизнь, но не имеющий активного волевого начала» [Арсентьева, 1994, с. 11]. Он не вписывается в реальный мир, мучительно, по-гамлетовски, размышляет о смысле жизни, революции, коммунизме. Г. З. Литвин-Молотов в письме-рецензии в 1927 году на раннюю редакцию романа Платонова под названием «Строители страны» отмечал, что коммунисту Дванову противопоставлен Копенкин — «советский дон кихот»³. При этом Копенкин и Дванов не являются антагонистами — они взаимно дополняют друг друга и по ходу сюжета могут обмениваться ролями.

Конstellляцию литературных кодов в художественной структуре «Чевенгура» увидел и С. Вальмарк. В послесловии к шведскому

³ Письмо Г. З. Литвин-Молотова цит. по: [Яблоков, 1991, с. 521].

изданию он интерпретирует образный ряд «Чевенгура» через оппозицию донкихотовского энтузиазма и гамлетовского размышления: «Главные герои романа — это слепо верующий в мировую революцию Копенкин, который все время скачет на своем могучем коне Пролетарская Сила к могиле Розы Люксембург, и Саша Дванов, готовый пожертвовать собой ради любви к народу, выразитель идей автора и его альтер эго. Копенкин видит решение всех проблем в пролетарской силе, Дванов — в просвещении и размышлении. Копенкин погибает от меча. Дванов возвращается в религиозно-символической сцене к отцу» [Vallmark, 1973, s. 316]. Рефлексируя двойной литературный шифр «Чевенгура», Вальмарк «именным» в шведской редакции делает образ Дон Кихота.

Можно предположить, что на выбор названия и концепции перевода оказала дополнительное влияние парижская редакция «Чевенгура», где нет дореволюционного пролога, имеющего «гамлетовский код» (мотивы распавшейся связи времен, брэнности, смерти, сиротства, взыскания отца), соответственно герои и сюжет предстают в активной «донкихотовской» фазе поиска и утверждения нового революционного идеала. Могла повлиять и предшествующая переводческая деятельность Вальмарка. Образ Гамлета, столь значимый в русской культурной традиции (что было известно переводчику), — один из доминантных, включенных в систему заглавий литературных кодов романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: «Гамлет» — название стихотворения главного героя Юрия Живаго, которое открывает поэтическую часть романа. Гамлетовскую тему Пастернак наследовал от А. А. Блока и развивает в «блоковском изводе» христоподобия шекспировского героя. Перевод «Доктора Живаго» был сделан Вальмарком и издан в Швеции в 1958 году — в год, когда Пастернаку была присуждена Нобелевская премия. Работая в 1972 году над переводом романа Платонова, Вальмарк выбрал, словами Тургенева, другой «конец оси» человеческой природы и образной оппозиции.

Рассмотрим перестройку образной структуры в переводе-редакции С. Вальмарка «Дон Кихот в революции». Главный герой «Чевенгура» Александр Дванов — это рефлектирующий тип персонажа, «русский Гамлет». Шведская редакция, вслед за парижской, начинается новохоперской экспедицией Дванова: его активным участием в Гражданской войне, где он предстает «рыцарем

революции». Герой по личной инициативе отправляется в революционную стихию «искать социализм» (в оригинале «проверить» революцию его отправляет приемный отец Захар Павлович, а идея ревизии самозарождающегося социализма принадлежит предгубисполкому Шумилину). По ходу развития действия Дванов все более обнаруживает гамлетовское начало. В поиске «истинного имени» мира он всматривается в окружающую действительность, размышляет, вступает в диалог с любым встречным, мучительно раздваивается. Этот герой, по Вальмарку, является «выразителем идей автора», играет исключительно важную роль в субъектной организации художественного текста.

Ключевой фрагмент «Чевенгура», раскрывающий гамлетовскую природу героя и нарративную стратегию автора, — эпизод, где появляется *евнух души человека*. Метафора душевно-духовной жизни деметафоризована Платоновым и получает самостоятельные (особые от героя) антропоморфные характеристики: статус субъекта и функцию наблюдателя. Внутренняя оппозиция «я — себя» и внешняя «я — мир» перестраиваются из психологических диад в триаду, горизонталь сомнения трансформируется в метафизическую вертикаль совести.

Вальмарк переводит словосочетание «евнух души человека» как *människoandens eunuck*. Древнегреческое εὐνοῦχος («охраняющий ложе») — термин, который закрепился в историческом контексте для обозначения оскорожденных слуг при гаремах восточных владык и вельмож в разных национальных культурах. Этому соответствует основное значение лексемы *eunuck* в шведском языке: «кастрат, скопец, камердинер, надзиратель/смотритель, охранник женщин в гареме» [Svenska Akademiens ordbok]. Переносное (или метафорическое) значение лексемы *евнух* «духовно чистый/стерильный человек» в корпусе шведского языка означает «истинный, правильный, совершенный, чистый, подобный Богу». Таким образом, культурная семантика слова *евнух* в шведской традиции оформлена антитезами: увечное/чистое, униженное/возвышенное, ложное/истинное, профанное/сакральное существование.

«Душа» на шведский может быть переведена как *själ* «душа, сердце, дух» или *ande* «душа, дух, призрак». Несмотря на то что лексемы по значению близки друг другу, между ними существует принципиальное различие: *själ* заключает в себе семантику объ-

екта, на который направлено действие духа, *ande* — душевно-духовного субъекта. *Ande* — это больше внешний источник высшей духовной энергии, чем внутренний, который имеет сакральное происхождение и может существовать в реальном мире в виде призрака. Внутренний лексический сюжет образа-метафоры *människoandens eumick* актуализирует гамлетовский код в переводе-интерпретации Вальмарка.

Гамлетовская проблематика получает кульминацию в финальной сцене мистико-символического, по определению Вальмарка, возвращения-погружения Дванова в воды озера детства — к отцу. К этому времени Дванов не знает, как и чем заполнить пустоту в душе, он раздавлен революционной идеей⁴. В коммунистической утопии Дванов не нашел истины, которую он мыслил как родство. «Сироты, — пишет А. Грязнова, — склонны искать родство в любом явлении мира», такие герои «жертвенны и самоотверженны, могут выйти за пределы собственного “я” во имя помощи другим людям» [Грязнова, 2014, с. 135]. Не сумев отыскать связующую нить между прошлым и будущим, идеалом и действительностью, герой испытывает стыд неисполненного сыновнего долженствования перед отцом и миром. Возвращение к отцу символизирует смерть/переход/перерождение/обновление героя. На берегу озера Мутево Дванов видит удочку, оставленную им в детстве. Удочка предстает символическим знаком мироустройства: связывает два пространства — водное и земное, потусторонний и посюсторонний миры, прошлое и будущее; ведет к «премудрой» рыбе, ведающей тайну бытия (в раннем христианстве «рыба» — это монограмма имени Христа). Однако на удочке детства повзрослевший герой находит «иссохший, сломанный скелет» рыбы. Вальмарк переводит данный словообраз как *det förtorkade och förvridna skelettet* «иссохший и искаженный/перекошенный скелет», усиливая определением *förvridna* «искаженный/перекошенный» гносеологический пласт смыслов: распавшуюся связь пространств, времен, сакрального и профанного миров, мечты и реальности, идеи и жизни — недоступность истины. Герой двоится между началом нового поиска и отступлением от жизни. Вопрос, что выбрал герой, Платонов

⁴ Е. Толстая-Сегал считает, что фамилия Дванов происходит от глагола «давить» [Толстая-Сегал, 1978, с. 197].

оставляет открытым, однако, учитывая гамлетовский характер постановки этого вопроса (быть или не быть), можно предположить, что Двановым движет стремление к обретению истины даже за пределами возможного, за пределами жизни. Таким образом, два ключевых фрагмента «Чевенгура», фокусирующие гамлетовский образно-тематический комплекс, не только сохранены в полном объеме, но и усилены в переводе Вальмарка.

В шведской редакции существенно реконструирован собирательный образ-идеологема «революционное рыцарство», который преобразован в «донкихотовского героя» [Романовская, 2018, с. 141]. В системе персонажей «Чевенгура» рыцарские черты есть у разных героев (Пашинцев, Копенкин, Дванов, Чепурный и др.). В главных ролях «донкихотов воли и подвига» [Багно, 2009, с. 169] выступают Пашинцев и Копенкин, они же несут основную идейно-образную нагрузку в развертывании оксюморона «революционного рыцарства».

Встреча Дванова и Копенкина с Пашинцевым происходит в реваповеднике, созданном им для охраны революции «в нетронутой геройской категории» [Платонов, 2011, с. 147]. Рыцарство Пашинцева визуализировано в портрете: «Из разверзшейся двери выступил небольшой человек, весь запакован в латы и панцирь, в шлеме и с тяжким мечом, обут в мощные металлические сапоги — с голенищами, сочлененными каждое из трех бронзовых труб, давившими траву до смерти. Лицо человека — особенно лоб и подбородок — было защищено отворотами каски, а сверх всего имелась опущенная решетка» [Платонов, 2011, с. 144]. Явление нового Дон Кихота тут же отрефлектировано как самозванство: «Дванов открыто засмеялся — он сразу сообразил, чью непомерную одежду присвоил этот человек. Но засмеялся он оттого, что заметил на старинной каске красноармейскую звезду, посаженную на болт и прижатую гайкой» [Платонов, 2011, с. 144].

Донкихотство Пашинцева, пишет В.Е.Багно, «охранительное, сворачивающееся, а не охраняющее, разворачивающееся вовне» [Багно, 2009, с.169]. В абсолютизации геройской категории революции как самодостаточной для космогонии нового мира «краснозвездные рыцари» отчуждены от прошлого, настоящего и будущего, от народа и самих себя: «Пашинцев почуял в Копенкине такого же сироту земного шара, каков он сам» [Платонов, 2011, с. 146].

Центральные для оформления и развития донкихотовской темы в «Чевенгуре» сцена в ревзаповеднике и образ Пашинцева с их буффонадной трагифарсовой полифонией отсутствуют в шведской редакции. Вальмарк исключает двойничество из системы персонажей. По аналогии с романом Сервантеса образ «Дон Кихота в революции» сфокусирован на одном герое — Степане Копенкине. В аннотации, размещенной на обложке первого шведского издания, написано, что донкихотовский типаж представлен в романе Платонова о русской революции образом Копенкина, «таким же наивным, но добрым сердцем» [Vallmark, 1973], как и его литературный праобраз. С Дон Кихотом Копенкина роднит жажда приключений, стремление к социальной справедливости, защита обездоленных, кодекс чести, детская наивность, дарование воина и запредельность мечты. Платонов использует донкихотовские реминисценции в создании героя: Дон Кихот воюет с ветряной мельницей, Копенкин сечет «вражеский» воздух на границе чевенгурского коммунизма. У Копенкина, как у Дон Кихота, есть дама сердца с идеологическим статусом: Дульсинья Тобосская — неотъемлемая составляющая идеала рыцарства, Роза Люксембург — идеала революции.

Копенкин — герой-идеалист новой утопической проекции: он вдохновлен идеей эгалитаризма, понимает свою жизнь как героическую жертву во имя осуществления идеи/мечты мирового коммунистического товарищества. Портрет Копенкина отражает обезличивание героя в его революционных подвигах («черты его личности уже стерлись о революцию», «не понятно — был ли он из батраков или из профессоров» [Платонов, 2011, с. 102]. В шведском переводе фантастический диапазон дореволюционного прошлого Копенкина изменен и сделан правдоподобным: «профессор» заменен на *fackföreningsfolket* «профсоюзный народ».

Рыцарство Копенкина обнаруживает себя в страстной, не рассуждающей верности идеалам революции и оформлено как рыцарский культ дамы сердца — «убиенной» немецкой революционерки Розы Люксембург. Роза Люксембург — видный деятель социал-демократического и коммунистического движений в Европе, настоящая «валькирия» революции. В 1919 году, в год гибели революционерки, в Советской России «насаждался культ Розы» [Алейников, 2013, с. 100], и Платонов обыгрывает его в «Чевенгу-

ре». Один из персонажей романа, мыслитель Игнатий Мошонков, переименовавший себя в Достоевского, по этому поводу высказывается так: «Роза, наверно, сокращенное название революции» [Платонов, 2011, с. 124].

В шведской версии нет сцены «знакомства» Копенкина с Люксембург, где герой видит плакат с ее изображением. Между тем именно портрет Розы становится для героя откровением. На него производит впечатление «живая» женщина, ее женский облик. Копенкин воображает чарующий запах платья, «скрытое тепло остатков жизни» [Платонов, 2011, с. 138], волосы Розы представляются ему «таинственным садом» [Платонов, 2011, с. 139]. Образ Розы является в «Чевенгуре» «символом любви мистической и телесной», осложненный «политическими аллюзиями» [Яблоков, 2002, с. 22]. «Историческая» Роза Люксембург — Богородица — Прекрасная Дама — Революция — составляющие образа «умершей и бессмертной в одно и то же время» героини [Яблоков, 2002, с. 17]. Воссоединение с Розой Люксембург — это обретение Эдема (Роза) и Нового града (Люксембург). Фамилия Люксембург несет эсхатологический смысл, восходит к значению «светлого, сверкающего города» [Яблоков, 1994, с. 170]. Путешествие Копенкина может быть интерпретировано как мистический поиск потусторонней жизни и воссоединение с Царствием Божиим. В «Дон Кихоте в революции» в редуцированном образе Розы Люксембург доминирует революционный идеологический комплекс.

В «Чевенгуре» сокровенное «гамлетовское» в Копенкине, как и у Дванова, обнаруживается в бессознательном состоянии — в его сновидениях, где появляется образ умершей матери и происходит смешение женских образов матери и Розы: во время похорон Розы в гробу оказывается мать. Материнский образ возникает как предостережение о неистинных отношениях, связывающих Копенкина и Люксембург. Образ гроба символически указывает на тщету революционных подвигов героя. В сновидениях Копенкин видит и самого себя: «...старого, истощенного человека, с глубокими мученическими морщинами на чужом лице, — человека, всю жизнь не сделавшего себе никакого блага» [Платонов, 2011, с. 168]. Как и у Дванова, у героя происходит раздвоение «я» — на реального Копенкина и «внуха души». Копенкин переживает

в подсознании, что идея мировой революции (идея возмездия), оформленная как культ Розы Люксембург, уводит его от устройства народной жизни, настоящего, отчуждает от себя самого, от бытия.

По общей логике конденсации сюжета «гамлетовские» сновидения Копенкина исключены из «Дон Кихота в революции». Однако «гамлетизм» героя сохранен и дан в сцене сомнений «рыцаря печального образа», когда в Чевенгуре умирает ребенок нищенки. В «постаревших» (*åldrade* — «состарившихся») глазах мальчика Копенкину открывается трагическая правда: в городе коммунизма Чевенгуре главенствует гибельная судьба. Смерть ребенка колеблет веру героя — сначала он догадался, что в Чевенгуре нет коммунизма, а впоследствии усомнился в самой возможности его существования. Шведский словарь писателей издательства «Бонниер» дает двойное определение жанра «Дон Кихота в революции»: «...роман о попытке группы людей создать коммунистическое микробщество прочитывается и как утопия, и как антиутопия» [Bonniers författarlexikon över utländs litteratur, 2002, s. 639].

Свен Вальмарк искал и — как показал анализ — нашел способ транслировать шведским читателям уникальную художественную философию Платонова и одновременно диалог автора с мировой культурой о вечных проблемах идеала, истины и реальности, который развернут в романе о русской революции.

С конца XX века творчество Платонова в Швеции находится в поле литературоведческих исследований П.-А. Бодина, Л. Шёквист, Т. Лане, К. Ингдаль, И. Сандомирской, С. Йонссона и др. Благодаря русско-шведской переводчице Кайсе Эберг Линдстен переведены и изданы «Котлован» (2007), «Счастливая Москва» (2008), «Джан» (2009). В 2016 году в переводе Эберг Линдстен вышел новый полный перевод «Чевенгура», который так долго ждали в Швеции. «Дон Кихот в революции» отошел в историю переводоведения. Однако в том, что Платонов в начале XXI века стал необходимой частью шведской литературы, а перевод и издание полного текста «Чевенгура» — событием национального значения, важную роль сыграл первый перевод-интерпретация Вальмарка «Дон Кихот в революции». Крупнейший шведский специалист по творчеству Платонова Т. Лане считает издание «Дон Кихота в ре-

волюции» событием, стимулировавшим развитие не только шведского, но и мирового платоноведения: «...как в Советском Союзе и России, так и в других странах, особенно в США и Европе» [Lane, 2017, s. 8].

ЛИТЕРАТУРА

- Алейников О. Ю. *Андрей Платонов и его роман «Чевенгур»*. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. 222 с.
- Арсентьева Н. Н. *Русско-испанские литературные связи: проблемы преемственности, типологии, рецепции*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 34 с.
- Багно В. Е. *«Дон Кихот» в России и русское донкихотство*. СПб.: Наука, 2009. 223 с.
- Вьюгин В. Ю. *Андрей Платонов: поэтика загадки: (очерк становления и эволюция стиля)*. СПб.: Изд-во Рус. гуманитар. ин-та, 2004. 440 с.
- Герцен А. И. *Собрание сочинений*: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 5. Письма из Франции и Италии 1847–1852. 512 с.
- Грязнова А. Ю. *«Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова*. Воронеж, НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 193 с.
- Гюнтер Х. *По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
- Захаров Н. В. *Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ*. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. 320 с.
- Палиевский П. В. *Движение русской литературы*. М.: Плеяда, 1998. 10 с.
- Пискунова С. И. «Дон Кихот» и «Чевенгур»: евхаристическая символика в романе. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*, 2009, № 3. С. 60–72.
- Платонов А. П. *Чевенгур*. Котлован. М.: Время, 2011. 608 с.
- Платонов А. П. *Чевенгур*. Париж: YMCA-PRESS, 1972. 376 с.
- Романовская И. В. Донкихотовский герой в шведском переводе романа «Чевенгур» А. Платонова «Дон Кихот в революции». *INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I Всероссийской научно-практической конференции*. Екатеринбург: УРФУ, 2018. С. 141–146.
- Руднев В. *Философия языка и семиотика безумия*. М.: Территория будущего, 2007. 528 с.
- Солженицын А. И. Письмо IV Всесоюзному съезду союза советских писателей 16 мая 1967. *Публицистика*. Ярославль, 1996. С. 27–33.
- Толстая-Сегал Е. О связи низших уровней текста с высшими (Проза Андрея Платонова). *Slavica Hierosolymitana*. 1978. № 2. С. 169–211.
- Тургенев И. С. Гамлет и Дон Кихот. *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 гг.* М.: Наука, 1980. С. 330–348.

- Яблоков Е. А. О типологии персонажей А. Платонова. «*Страна философов*» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994, Вып. 1. С. 194–203.
- Яблоков Е. А. *На берегу неба: (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 376 с.
- Яблоков Е. А. Комментарий. Платонов А. П. *Чевенгур*. М.: Высшая школа, 1991. С. 521–523.
- Яблоков Е. А. «Имя Розы» в творчестве Андрея Платонова. *Болгарская русистика*. 2002. № 2. С. 17–24.
- Blomqvist L. E. *Rysk litteratur efter Stalin*. Stockholm: Natur och Kultur, 1968. 212 s.
- Bonniers författarlexikon över utländsk litteratur. Stockholm, 2002. 992 s.
- Don Quijote. *Riddaren av den sorgliga skepnaden*. Available at: <http://byteatern.se/wp/wp-content/uploads/2015/04/L%C3%A4rarhandledning-DQ3.pdf> (accessed: 12.05.2018).
- Litteraturens historia 1914–1945*. Stockholm: Norstedt Förlag. 1992. No. 6. S. 79–80.
- Lundstedt G. *Don Quijote och skuggan*. Stockholm: Symposion, 1986. 81 s.
- Platonov A. *Don Quijote i revolutionen*. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 315 s.
- Platonov A. En mästares tillkomst. *14 sovjetryska berättare*. Stockholm: Albert Bonniers, 1929. S. 165–192.
- Platonov A. *Il Villaggio della nuova vita*. Milano: Club Degli Editori, 1972. 425 p.
- Platonov A. *Les herbes folles de Tchevengour*. Paris: Stock, 1972. 483 p.
- Restrepo L. *400 år av galenskap*. Available at: <http://www.dn.se/kultur-noje/kulturdebatt/400-ar-av-galenskap/> (accessed: 10. 05.2018).
- Revolution och existens. Läsningar av Andrej Platonov*. Stockholm: Ersatz, 2017. 160 s.
- Schwartz V. Tvärsnitt genom sovjetlitteraturen. *Ord och bild*. 1938. No. 47. S. 447–451.
- Sven Vallmark. Available at: http://angermanland.forening.genealogi.se/biografi/sven_v.html (accessed: 14.05.2018).
- Svenska Akademiens ordbok*. Available at: <https://www.saob.se/artikel/?seek=e-unuck&pz=1> (accessed: 10. 05.2018).
- Vallmark S. Efterord. *Platonov A. Don Quijote i revolutionen*. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. S. 313–317.
- 14 sovjetryska berättare: valda och översatta från ryskan av Josef Riwkin och Daniel Brick med inledning av Anders Österling*. Stockholm: Albert Bonniers, 1929. 269 s.

Статья поступила в редакцию 1.07.2018,
принята к публикации 15.04.2019

Irina Spiridonova

Petrozavodsk State University

Irina Romanovskaia

Petrozavodsk State University

**LITERARY CODE IN THE SWEDISH TRANSLATION OF
THE NOVEL “CHEVENGUR” BY A. PLATONOV “DON QUIJOTE I REVOLUTIONEN”
(TRANSLATED BY S. WALMARK)**

For citation: Spiridonova I., Romanovskaia I. Literary code in the Swedish translation of the novel “Chevengur” by A. Platonov “Don Quijote i revolutionen” (translated by S. Walmark). *Scandinavian Philology*, 2019, vol. 17, issue 1, pp. 114–133. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2019.107>

The article explores the problem of reception of poetics and content in the case of the Swedish version-translation of Andrey Platonov’s novel “Chevengur” (“Don Quijote i revolutionen”, 1973, translated by Sven Vallmark). The main differences between the reduced Swedish edition of “Chevengur” and the original are revealed and characterized. The conceptual solution of Sven Vallmark is to present Platonov’s novel through the lense of the world famous novel “Don Quixote” by M. de Cervantes. The comparative-typological analysis of the novel about the Russian revolution and the Spanish epic shows essential similarities in the genre “polyphony” of the travel novel and grotesque imagery. The constellation of Hamlet’s and Don Quixote’s codes in “Chevengur” plays an important role. The figurative parallel of “Don Quixote — Hamlet” reflects the internal polemic between the devotion to the revolutionary ideal and, on the other hand, doubt, creating a genre synthesis of utopia and dystopia. In the Swedish translation “Don Quijote i revolutionen” the structural principle of the constellation is kept despite a formal violation of the balance of literary codes: Hamlet’s features are represented by the essential nature of the images of “don quixote in revolution”. The abridgements to the plot and to the figurative system were made by way of “condensation”, while preserving the central ideological and figurative complexes.

Keywords: Swedish reception, literary code, figurative parallel *Don Quixote — Hamlet, Chevengur, A. Platonov, Don Quijote i revolutionen, Sven Vallmark, Don Quixote, M. de Cervantes.*

REFERENCES

- Alejnikov O. Yu. *Andrej Platonov i ego roman “Chevengur” [Andrey Platonov and his novel Chevengur]*. Voronezh: Nauka-Yunipress Publ, 2013. 222 p. (In Russian)
- Arsent’eva N. N. *Russko-ispanskije literaturnye svyazi: problemy preemstvennosti, tipologii, recepcii [Russian-Spanish literary communications: problems of continuity, typology, reception]*. Abstract of. Diss. Dr Philol. Sci. Moscow: 1994. 34 p. (In Russian)
- Bagno V. E. *“Don Kihot” v Rossii i russkoe donkijhotstvo [“Don Quixote” in Russia and Russian Quixotism]*. St. Petersburg: Nauka, 2009. 223 p. (In Russian)

- Blomqvist L.E. *Rysk litteratur efter Stalin*. Stockholm: Natur och Kultur, 1968. 212 p.
- Bonniers författarlexikon över utländsk litteratur. Stockholm, 2002. 992 p.
- Don Quijote. *Riddaren av den sorgliga skepnaden*. Available at: <http://byteatern.se/wp/wp-content/uploads/2015/04/L%C3%A4rhandledning-DQ3.pdf> (accessed: 12.05.2018).
- Gercen A.I. *Sobranie sochinenij v 30 tomah [Collected works in 30 volumes]*. Vol. 5. Pisma iz Francii i Italii 1847–1852 [Letters from France and Italy 1847–1852]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955. 512 p. (In Russian)
- Gryaznova A. Yu. «Iskat' dorogi drug k drugu»: sirotstvo i rodstvo v proze Andrey Platónova [«To look for roads to each other»: orphanhood and relationship in Andrey Platonov's prose]. Voronezh: Nauka-Yunipress, 2014. 193 p. (In Russian)
- Gyunter Kh. *Po obe storony utopii: konteksty tvorchestva A. Platónova [On both sides of utopia: contexts of Andrey Platonov's creativity]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 216 p. (In Russian)
- Litteraturens historia 1914–1945*. Stockholm: Norstedts förlag, 1992, No 6. P.79–80.
- Lundstedt G. *Don Quijote och skuggan*. Stockholm: Symposion, 1986. 81 p.
- Palievskij P.V. *Dvizhenie russkoj literatury [The movement of the Russian literature]*. Moscow: Pleyada, 1998. 10 p. (In Russian)
- Piskunova S. I. “Don Kihot” i “Chevengur”: evharisticheskaya simvolika v romane [“Don Quixote” and “Tchevengur”: eucharistic symbolics in the novel]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology]. 2009, No 3. P.60–72. (In Russian)
- Platonov A. *Don Quijote i revolutionen*. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 315 p.
- Platonov A. En mästaress tillkomst. *14 sovjetryska berättare*. Stockholm: Albert Bonniers, 1929. P.165–192.
- Platonov A. *Il Villaggio della nuova vita*. Milano: Club Degli Editori, 1972. 425 p.
- Platonov A. *Les herbes folles de Tchevengour*. Paris: Stock, 1972. 483 p.
- Platonov A. P. *Chevengur [Tchevengur]*. Paris: YMCA-PRESS, 1972. 376 p. (In Russian)
- Platonov A. P. *Chevengur. Kotlovan [Tchevengur. The Foundation Pit]*. Moscow: Vremya, 2011. 608 p. (In Russian)
- Restrepo L. *400 år av galenskap*. Available at: <http://www.dn.se/kultur-noje/kulturdebatt/400-ar-av-galenskap/> (accessed: 10. 05.2018).
- Revolution och existens. Läsningar av Andrej Platonov*. Stockholm: Ersatz, 2017. 160 p.
- Romanovskaia I.V. Donkihotovskiy geroy v shvedskom perevode romana “Chevengur” A. Platónova “Don Kihot v revolyutsii”. *INITIUM. Hudojestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ekaterinburg: URFU, 2018. S.141–146. (In Russian)

- Rudnev V. *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya [The Philosophy of language and semiotics of madness]*. Moscow: Territoriya budushchego, 2007. 528 p. (In Russian)
- Schwartz V. Tvärsnitt genom sovjetlitteraturen. *Ord och bild*, 1938, No 47. P. 447–451.
- Solzhenitsyn A. I. Pis'mo IV Vsesoyuznomu s'ezdu soyuza sovetskikh pisatelej. 16 maya 1967 [Letter to the IV All-Union congress of the union of the Soviet writers. May 16, 1967]. *Publicistika*. Yaroslavl, 1996. P. 27–33. (In Russian)
- Sven Vallmark. Available at: http://angermanland.forening.genealogi.se/biografi/sven_v.html (accessed: 14.05.2018).
- Svenska Akademiens ordbok. Available at: <https://www.saob.se/artikel/?seek=eunuck&pz=1>.
- Tolstaya-Segal E. O svyazi nizshih urovnej teksta s vysshimi (Proza Andrey Platonova) [About communication of the lowest levels of the text with the highest (Andrey Platonov's Prose)]. *Slavica Hierosolymitana*. 1978, No 2. P. 169–211. (In Russian)
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 tomah. Sochineniya v 12 tomah. Sochineniya T. 5: Povesti i rasskazy 1853–1857 godov. [Complete works and letters in 30 volumes. Compositions in 12 volumes. Compositions Vol. 5: Stories and stories of 1853–1857]*. Moscow: Nauka, 1980. P. 330–348. (In Russian)
- Vallmark S. Efterord. *Platonov A. Don Quijote i revolutionen*. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. S. 313–317.
- V'yugin V. Yu. *Andrej Platonov: poetika zagadki [Andrei Platonov: the poetic riddles]*. St. Petersburg: RSGI, 2004. 440 p. (In Russian)
- Yablokov E. A. "Imya Rozy" v tvorchestve Andrey Platonova ["Name of Rose" in Andrey Platonov's creativity]. *Bulgarian Russian philology*, 2002, No 2. P. 17–24. (In Russian)
- Yablokov E. A. O tipologii personazhej A. Platonova [About typology of characters of A. Platonov]. "Country of philosophers" of Andrey Platonov: creativity problems. 1994, Vol. 1. P. 194–203. (In Russian)
- Yablokov E. A. Kommentarij [Comment]. *Platonov A. P. Chevengur*. Moscow: Vysshaya shkola, 1991, P. 521–523. (In Russian)
- Yablokov E. A. *Na beregu neba: (Roman Andrey Platonova "Chevengur") [On the bank of the sky: (Novel of Andrey Platonov "Tchevengur")]*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. 376 p. (In Russian)
- Zaharov N. V. *Shekspirizm russkoj klassicheskoy literatury: tezaurusnyj analiz [Shekspirizm of the Russian classical literature: thesaurus analysis]*. Moscow: Moscow humanities university, 2008. 320 p. (In Russian)
- 14 sovjetryska berättare: valda och översatta från ryskan av Josef Riwkin och Daniel Brick med inledning av Anders Österling. Stockholm: Albert Bonniers, 1929. 269 p.

Спиридонова Ирина Александровна

доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: verses@onego.ru

Irina Spiridonova

Doctor in Philology, Professor,
Petrozavodsk State University
33, pr. Lenina, Petrozavodsk, Republik of Karelia, 185910, Russia
E-mail: verses@onego.ru

Романовская Ирина Валерьевна

старший преподаватель,
Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: romanovskaia.irina@gmail.com

Irina Romanovskaia

Senior Lecturer,
Petrozavodsk State University
33, pr. Lenina, Petrozavodsk, Republik of Karelia, 185910, Russia
E-mail: romanovskaia.irina@gmail.com

Received: July 1, 2018
Accepted: April 15, 2019